

Без нас.

(пьеса)

Действующие лица

САМОЙЛОВ – Психолог

КАТЯ – Девушка страдающая амнезией

ТИМУР – Осетин, бывший студент

АНТОН – Рабочий, порядочный семьянин

ЛИЗА – Пианистка

1. Эффект Бабочки.

Тусклый свет. Небольшое помещение с минимальной обстановкой. Стулья, старый скрипящий пол, маленькая сцена. Здание старого театра. Именно там опытный психолог Самойлов решил провести сеанс терапии.

КАТЯ. А почему вы это спрашиваете? Нет, что вы, я уже тогда не приходила в себя. Все начиналось не так заметно, что ли, не знаю, как выразиться. Тяжело контролировать себя, тяжело понимать и осознавать где ты находишься.

САМОЙЛОВ. Успокойтесь, не дергайте руками, здесь вас не обидят. Сейчас вы меня понимаете?

КАТЯ. Что именно-то вы хотите узнать? Я здесь за лечением, но я не могу рассказывать все вот так, я не спокойна. Вы лечите, но сами вы не больны, вот наше главное отличие.

САМОЙЛОВ. Катя, вы тоже, успокойтесь. Куда вы тогда отправились? Ну, я имею в виду после того, как первый раз все произошло.

КАТЯ. Я вышла из дому и начала делать попытки остановить головную боль, обычно мы хватаемся за то место, которое у нас болит, руками и почему-то пытаемся давить еще сильнее. Никогда не понимала, отчего человек так устроен. Да, тогда в первый раз я потеряла память. Мы начали с ним ругаться, и я начала понимать, что он отнекивается, уходит от разговора, понимаете? То я не то купила, а дошло все до того, что я начала подозревать его во всяких изменах и что он мне постоянно врет, как мы к этому пришли я не помню. Это страшно. Наутро я просыпаюсь, а он так смотрит на меня, я добрая и ничего не помню. Постоянно кто-то дергает, и я начинаю приходить в себя. Эти стрессы меня одолевают. Ах да, куда я тогда отправилась. Я шла, прямо, проспект у нас очень длинный и надо было быстрее найти аптеку. Все не стояло на месте, все становилось мутным? Доктор вы никогда не хотели просто отдать свою боль? Ну, вот скажем, у человека хватает совести и наглости просто отдать боль другому человеку. Идете вы и наблюдаете за другими людьми и видите как им просто не больно. У них этих страшных болей и только тогда вы начинаете понимать, как ему хорошо. А вы к тому же только что поругались с человеком и все начинает усугубляться. Меня тяжело понять, вы в жизни не испытывали столько страхов как я за 15 минут.

Катя просто останавливается и начинает смотреть в пол, не моргая. Тут Самойлов пробует продолжить диалог, но она так же внезапно его перебивает и продолжает судорожно рассказывать.

КАТЯ. Когда мне было 19 лет, я стала свидетелем, как сбивают маленькую девочку. Как жить дальше? Нет, не ей, она умерла мгновенно. Родителям, как? Они живут, тратят время и молодость, выращивают ее, а тут просто в одно мгновение вы теряете все? Верующие говорят, что бог всем раздает по заслугам, так, кто чего достоин. За что? Вот кто мне это объяснит, за что маленькую девочку надо было сбить? Во что мне верить, если машина не остановилась и поехала дальше, меня тогда саму словно переехали. Доктор вы не видите главного, сколько вы живете это не имеет никакого значения, страх смерти он каждый

день с вами. Неужели вы никогда не ложились в кровать с такими мыслями, мол, а вдруг, представьте себе картину. Вы лежите, расслабляетесь и пытаетесь уснуть. Но понимаете, и вас пугает фраза, что ничего не вечно. Как так вообще? А вдруг завтра вам позвонят и скажут, что ваши родственники разбились на машине, или их так же сбила машина, когда вы будете покупать себе, например новую сорочку. А вы сами, как вообще представляете тот факт, что сами когда-нибудь умрете? Вы же психолог! Это никогда не закончится, я перестала испытывать эйфорию от всего, только лишь когда дети искренно смеются, только так. Так я не сказала главного, что же вы тогда будете делать? Как жить дальше, если это все закончено, когда ты понимаешь, что остался один. Когда ты сам прекрасно осознаешь, что ничего собой не представляешь, ты боишься того, что ничего не умеешь, и теперь тебе уже точно никто не поможет. А тебе, например 22 года. Что же тогда делать доктор? Да, я увлеклась, я не знаю, что вам сказать? Я начинаю терять память каждый день и это не остановить. Я помню, как после аптеки я села в автобус, а очнулась уже на краю города. Все, кусок жизни прошел без меня, абсолютно. Я закурю, вы позволите?

САМОЙЛОВ. Да, пожалуйста.

КАТЯ. (Показывает на сигарету) Вот, тут вся эволюция человечества! Это никогда не кончится, тут зависимость и независимость в одном. Каждый день казна получает прибыль за выстроенную иллюзиями свободу и легкую эйфорию от того, что ты безостановочно движешься в бездну. А что еще остается? Я потеряла всяческую надежду на счастье, но пришла к вам, потому что верю! Жизнь без надежды вообще ничто, абсолютно, и вся надежда только здесь. Вы верите, все бесконечно верите, что все еще успеете и что жизнь только начата? (начинается смех) Как же, куда без этого? Вот ты, например, да, ты, вот ты зачем сюда пришел? (указывает на другого гостя Тимура) Это бессмысленно. Мы сидим здесь только с надеждой, завтра жизнь продолжится, и никто не будет здесь находиться, все это забудут. Только сил, красоты и времени у вас будет меньше, вы даже не способны быть счастливыми, вам страшно от того, что вы люди. Вы тешитесь саморазвитием только от скуки, но, вы не люди, вы масса, пустая, я тоже. Но мне страшно от того, что я не выберусь отсюда никогда, через 2 дня я и вас не вспомню, вот что страшно, ваше временно и ненатурально даже. Я и родить не смогу до 25, потому что я вовсе не осознаю того факта, что могу что-то иметь, я не помню этого, не помню, понимаете? Стойте, причем здесь роды? Я не об этом, простите меня. Я считаю, что все дело в страхах. Да, я девушка и мне страшно. Страшно по любому поводу, у меня нет мужчины. Обычного, просто мужчины. Вот недавно смотрела “Москва слезам не верит”. Там главная героиня говорит, что в 40 жизнь только начинается, и знаете, еще так убеждена в этом. Говорит так обнадеживающе, так легко и спокойно. А у меня не жизнь вовсе, два страха заменяются третьим. Доктор, моя проблема не в потери памяти, у меня нет уверенности в завтрашнем дне, от этого страха вы никогда не избавите человека только словами и убеждениями, не избавите. От этого неуверенности и рождается страхи одиночества, быть не понятой. Я сама себя виню за это. Часто представляла, что буду уже бабушкой, и никого старше меня из моей родни не останется, и вдруг вспомню что-то из детства, как меня родители учили играть на пианино, вернусь в реальность и осознаю, что никогда их больше не увижу, абсолютно никогда. Что время не вернется, вот видите, уже встречается противоречивость в моих словах, а завтра я ничего этого не вспомню. Да дело даже не во всем это, пусть это новая попытка, основанная на вере, но я все думаю, быть

может, есть нечто высшее? Где нет этого всего, пошлого и дикого, невежественного что ли, есть же?

САМОЙЛОВ. (В большом тупике, вздыхает и не понимает, что она хотела донести всем этим.)

ТИМУР. О каких страхах вы говорите, вы не были судьей над людьми никогда, даже не пытались никого убить, страхи сами рождены нашими мыслями, сами делаем из них культ. Могу поспорить, вы никогда не боялись того, чего боятся люди, когда им есть то, что терять, особенно с верой. Наставляли когда-нибудь оружие на людей? Могли одним нажатием сломать все построенное годами? Вы тут кричите о людях, о стаде и ценностях, о настоящих страхах, да что вы вообще можете знать о них?

2. Не Родион Раскольников.

Тимур сидел с каким-то листком. Он молча сидел и выслушивал тирады Кати, смотрел в пол и иногда улыбался. Самойлов наблюдал за этим как психолог. Откровения о страхах продолжались.

ТИМУР. Я родом из Осетии. Там уважение прививается с детства. Уважение к людям, к чести, к достоинству. Катя вы бывали в Осетии?

КАТЯ. Никогда не была, я не люблю другие национальности, черные меня тоже пугают.

ТИМУР. Ну, здесь вы меня тоже не удивили, я все это прекрасно знаю. И представляете себе, в период своей влюбленности я увлекся девушкой и совершенно забыл об учебе. Я приехал в Россию и учился в институте, но как я уже сказал, я увлекся, я оставил ее на других планах. Положение дошло до того, что экзамен мне пришлось сдавать с комиссией. Ну, все, наверное, представляют, что это такое, никому объяснять не нужно. Я не буду уточнять вуз, специальность, это все не играет роли. Мой панический страх это было отчисление. Не мог вернуться на родину с таким позором, не возможно это было просто. Вы даже представить себе не можете. И вот значит, мы сдаем этот экзамен письменно, потом устно беседуем с комиссией. Шло сие мероприятие 2 часа. Нас таких было не много, человек 6 или 7, я не помню точно. Помню, как томительно шли 40 минут ожидания проверки. Вы за это время представляете себе, бог знает чего, вы даже успеете отпраздновать свой культ победы и лечь в могилу от поражения. Вы в панике. Это как ожидать своей смерти, когда ты уже стоишь на этой площади. Тут невероятный страх. Через эту вечность, как мне тогда казались эти 40 минут, выносят наши работы, объявили оценки, а мне сказали: Молодой человек, очень жаль, но у вас, даже зацепиться не за что. Вы представляете себе это? Со мной даже не стали разговаривать, дверь захлопнулась и все. Эта комиссия осталась там, я не знаю, почему они никуда не ушли, но означало то, что я отчислен. Я не сдал экзамен с комиссией, я просто завален. Теперь мне нужно ехать в Осетию и объяснять все это родственникам. Я не мог потерпеть этого позора, страх невероятный. Я молча открываю эту дверь, стою и смотрю на них. Эти деятели спрашивают, что, мол, у меня какие-то вопросы? Я, значит, стою, на плече сумка, а в правой руке мои записи. (Показывает на листок). Они еще раз переспрашивают. Когда я достал из сумки пистолет, все изменилось.

КАТЯ. Ты ждал, что будет так? Ты специально взял этот пистолет? И где ты его взял?

ТИМУР. Это был обычный самострел, какие делают в детстве. Ну, знаете, берете там гвоздей, пороху, спичек. Но это не важно. Я подхожу к этому столу, они значит молчат. Они в страхе, их можно понять. Да и что представить в голове, когда на тебя наведено оружие, пусть даже и самодельное, кустарное производство так сказать. Я навожу на профессора и говорю: У меня только один вопрос, почему? Конечно, там пошло заикание и он начал мямлить. В комиссии сидели еще моя учитель, одного из предметов и зав. Кафедрой. Идет долгое молчание, и не поверите, но в кабинет никто и не заходил. То есть представляете себе такую картину, за дверью идет обычная жизнь, у всех свои заботы, институт как-никак. А за дверью кто-то может лишиться жизни, потому что мне нечего было терять. Он не ответил на мой вопрос, я начал спрашивать о его принципах, о том, почему он сейчас не занят своими делами, как это обычно бывает. Я начал спрашивать его о молодости, о глупости. Я был в шоке, я многого теперь не помню. Да, я преувеличил, жизни конечно нельзя было лишить такой вещью, но изуродовать лицо было можно. Вдруг мой слух притупился, у меня стала кружиться голова, я понял, что я в тупике. Словно один король, который остался на шахматной доске, а у противника есть ладья и ферзь. Это был тупик, вот он настоящий страх. Словно смерть стояла справа и с лева. Они просили меня не делать этого, но почему то мы ни разу не заговорили о сути проблемы, вообще, почему все так произошло. Где были его принципы тогда? Разве было теперь вообще что-то важно кроме правды, но я струсил, я сдал позиции, я потерялся. Плохо слышал и в глазах начало темнеть от страха, я выстрелил себе в щеку. (Показывает на шрам) Вот видите, все лицо испохаблено, я упал и через минуту, меня уже скручивала охрана. За два часа я перевернул жизнь верх дном. Страшно еще было от того, что никто не мог мне помочь. Ни мама не папа, обидно, правда? Обидно, когда самые родные люди не могут помочь своему ребенку, они даже не знают об этом, они думали, что у меня в данную минуту все хорошо, а ты лежишь с окровавленным лицом и кричишь от боли. Вот он страх, тебе никто не поможет и уж тем более никто не поймет. Многие мне говорили, что были пути решения, но у меня нет. У меня не было вообще ничего, я не мог обратиться с этой проблемой никуда, я один стал принимать удар на себя и я был свержен сразу же. Понимаете Катя? Вы боитесь своих провалов, а я бы был сейчас только счастлив им, забыть весь этот ужас. Нет смысла рассказывать дальнейшую судьбу, поймите меня здесь. Вы упали с простреленным лицом, вы потеряли слух, вы не сдали экзамен и вы отчислены. Вы молоды, но теперь не красивы, а еще утром вы даже и подумать не могли, что все повернется именно так, как произошло. Вы обычный осетинский парень, добрый местами, но вы никогда не стояли одна с оружием, что бы просто побороться за счастье. Сейчас все уже давно закончилось, но это не жизнь, это наследие не оставишь детям, про эту молодость не расскажешь. Вы учитесь в той стране, где образование это всего лишь бизнес, вы учитесь там, где вашим учителям вообще все равно на вас, вы получаете оценку под названием “Ну ладно”, в остальном вы не годитесь ни на что. Но потом вы приходите, падаете, но оказалось, еще не так низко, остальные вас роняют дальше. Да поймите меня только правильно, я не Родион Раскольников. Нет, вовсе нет. Если он совершал преступление из чувства долга перед своей личностью, осознав, что он достоин, совершать суд над другими ради благих вещей, будь то Наполеон или Гитлер, то я же обычный трус. Мне стыдно, понимаете? (Показывает на листок) Вот тут, вся ваша иллюзия. Но я здесь, по другой причине, не как у вас. Родители все любят читать нотации,

за меня был сделан выбор и все думают, что они в СССР. Они думают, что распад союза коснулся только их зарплат, правительства и пенсий, а образование, по их мнению, осталось тем же, ну, по крайней мере, вузовское образование. Они не представляют возможным тот факт, что их детище могут отчислить по множеству поводов, что только он сам может себе помочь. Я не буду разводить эту тему, но думаю такого страха вы не испытывали никогда, это перелом жизни. Так и та, в которую я был влюблен и из-за которой я все бросил, теперь я ей не нужен. Самойлов, ну что вы так смотрите на меня?

САМОЙЛОВ. Я делаю записи, я пытаюсь вас понять, но не могу себе этого представить.

КАТЯ. (Вытаскивает сигарету) Будешь?

ТИМУР. Нет, но я бы сейчас выпил. Я хочу уехать в штаты и пить там.

САМОЙЛОВ. Зачем тебе это? В чем смысл?

ТИМУР. Что бы ни знали, что бы я жил по-другому и никому этого не рассказывал. Жил по другим законам и другой конституции. Другая планета и другой мир

КАТЯ. Что родители сказали?

САМОЙЛОВ. Екатерина, оставим подробности, мы здесь не за этим.

ТИМУР. Нет там ничего такого, да не поняли только выстрела, я сам раздул все это, все бы простили, любят же все равно, но душевного спокойствия я не приобрел. Я не сразу родился мудрым, да и сейчас-то мудрости нет, трясет сильно. (Смотрит в сторону)

ТИМУР. Самойлов, это кто?

3. Поворот не туда.

В двери стояло пару человек. Взрослый, широкоплечий мужчина, деревенской внешности. Он недоумевал куда попал, театр вызывал недоверие. Вид у него был такой, как будто его надули и забрали деньги, а терапию так и не провели. Был жалок от того, что выглядел таким сильным, а так жалко, что необходим психолог. Рядом с ним находилась молодая девушка, она стояла перед ним и была на голову ниже, но он обращался к ней на вы, оба не понимали, там ли она. Обычно терапии проводятся у психологов, в кабинетах с книгами и красивыми торшерами, диваны и все индивидуально. Тайны клиентов, думается изначально. Как потом сказал сам Самойлов, он провел данный эксперимент не с целью помочь им, а с тем, что бы они сами себе помогли.

САМОЙЛОВ. Ах, это вы? Ну не стесняйтесь же, проходите. Ну чего вы там стоите? Там за вами нет еще кого-нибудь?

(оба оглянулись обратно и кивают головой отрицательно)

САМОЙЛОВ. Антон, вы возьмите еще один стул там у охранника. (Обращаясь к девушке) Лизанька, вы-то что стоите? Ну, проходите, присаживайтесь. Господа ну не прекрасно ли это, нас уже четверо, просто превосходно, значит все идет как надо.

Лиза сидела в страхе, она с недоверием смотрела на происходящее. Перед ней сидел молодой психолог, который делал записи, грустный молодой человек с обезображенным лицом и худая девушка с мешками под глазами, которая не вынимала сигарету изо рта. Тут Антон заходит со стулом и процесс продолжается.

АНТОН. Ну, еще бы все шло не как надо, я что, тебе зря платил что ли? И почему я должен нести этот стул, тут вон сколько, неужели другого места не было?

САМОЙЛОВ. Тут как мне кажется обстановка располагает

ТИМУР. Еще имени не знаем твоего, а уже орешь

САМОЙЛОВ. Спокойно, все нормально. Так комфортно?

АНТОН. (Недовольный) Вполне.

САМОЙЛОВ. Господа, прошу прощения за такой инцидент. Располагайтесь, здесь вам рады.

АНТОН. Да вижу я. (Показывает на Тимура) А что он всегда улыбается? Еще сидит такой, смотрит в пол и что-то думает про себя. Нет, я не больной, не смотри так на меня. Вон на нее лучше смотри (Показывает на Катю)

ТИМУР. А я больной?

АНТОН. Ну, я тебе не доверяю, хитрый ты какой-то.

КАТЯ. (Курит и смотрит на Антона) Да успокойся ты уже, только пришел и уже поднял все верх дном.

САМОЙЛОВ. (Улыбается) Господа, господа. Все нормально, Антон, можешь быть уверен, что ничего не выйдет за стены этого здания и за пределы наших голов. Антон, может быть по имени отчеству? Вы старше!

АНТОН. Да ладно, бросай все это. Спокоен я, начинай уже. Что надо уже, говори, я просто не знаю, как тут у вас все устроено.

КАТЯ. В страхах разбираешься?

АНТОН. В каком смысле?

КАТЯ. Вот я страдаю провалами памяти, мне страшно не проснуться утром или проснуться где-нибудь в другом месте, у меня нет любви. А вот мой собеседник (показывает на Тимура) вот он, стрелял себе в лицо, посмотри на него. А ты такой большой, с огромными руками и таким простым лицом, у тебя то, что могло случиться божья ты овца.

АНТОН. С чего я овца то? (Показывает на Тимура) И что он постоянно ржет?

КАТЯ. Такой большой и такой ранимый. Ладно, прости меня. Просто интересно, зачем ты сюда пришел. Обычно ходят в церковь исповедоваться, а ты вот такой вот, простой что ли, не знаю, как сказать.

АНТОН. Человека убил!

Самойлов сидел спокойно, был готов к этому, он это знал. Тимур продолжал смотреть в пол, теребил листок в руках и видно, размышлял. Лиза слегка пикнула, прикрыла рот ладонью от страха, а Катя, с сигаретой в руке была в предвкушении рассказа.

АНТОН. Эй, медик, тут все это вот так надо рассказывать?

САМОЙЛОВ. Не переживай, никуда не уйдет, тут сидят с похожим горем.

АНТОН. Из них никто с этим не сталкивался?

САМОЙЛОВ. Только что Тимур рассказывал похожую историю

АНТОН (Тимуру) Тоже не виновен?

ТИМУР (улыбаясь) Ну почти, как и ты, скорее всего.

АНТОН. Я работаю строителем, с женой копили на машину. Я купил УАЗ такой большой, таблетка называется. Ну, скорая помощь еще ездит, может быть видел.

Стало интересно, но Антон начал говорить не со всеми, а с Тимуром, видимо хотел доказать, что у него положение хуже. Невозможно было понять, что у него было на уме, можно было только предположить. Все начали внимательно слушать.

АНТОН. До этого, теще помогал дачу строить. А она у нас далеко так, придется ехать черти куда. Ну, я не знаю, почему теща выбрала там участок, но жена была довольна. Там еще эти выращивает в доме, ну как они? Георгины! Ну и значит, мы собираемся и едем, жена мне еще нервы делала долго, мол, давай уже соберемся, там дом достроить нужно. У Семенова тогда дочь родилась, ну мы и напились.

КАТЯ. Не знаю ни одного, кого бы она до добра довела, как и эти твари (показывает на сигареты)

АНТОН. Да я то что, с мной-то все нормально. Я просто тогда только отоспался к вечеру, ну и спрашиваю Любу, мол, поехали в 6 вечера, мне лично все равно. Ну, она опять давай орать, но как то согласилась, хотя орала долго. Ну, дочь у друга родилась, как не отметить то, я так-то не пью, а тут такой повод. Потом была суета, вещи собирали долго, но к вечеру собрались. А машинка такая прям новая, завел и прям, счастлив был, пусть жена думаю, говорит что хочет, бог с ним. Ну, так мы и поехали, ехали долго, уже город покинули, и пошла голая трасса. Люба ехала молча, видимо была зла на меня, не знаю. Тут вижу, иномарка стоит на всю трассу, а ночь на дворе, только фары и видно. Мелькает, стоит, видимо авария какая-то, ну и полдороги свободно, я как любой адекватный человек давай поворачивать и тут случилось. Только я сворачиваю, стоит тот водитель за лицо и за голову хватается, и прям как по кочке какой-то, сам чуть не опрокинулся, проехал еще метров 10 и затормозил. Люба уже задремала, я выхожу и как провалился. Около его машины лежит мотоцикл, ну как он там, скутер. А кочка эта была девочка, я ее переехал, переехал. Ночь была, я потом узнал, что пьяный ее сбил, пытался обогнать и задел. Она упала, и они ждали скорую помощь, ну я-то этого ничего не знал, понимаете? Ну, еду и еду, не видно ничего, просто объехал ее и так подпрыгнул, что сам чуть не перевернулся.

Выхожу из машины и на колени упал, провалился. Она уже и на девочку то не была похожа, я даже и не знаю, как описать это. Как выглядит, когда девочку лет в 18, которая вся в крови лежит на асфальте, переезжает эта махина? Это вообще можно описать как-нибудь? Естественно, она умерла мгновенно, я вижу, тот хватается за голову, орет на меня. Матерится на меня, а я не слышу ничего. Я заплакал тогда, как в Чечне не плакал, но тут было другое. Люба выбегает, орет на всю трассу, кричит на меня, бьет. А я то что? Ну что я не человек что ли? Если бы он ее не сбивал, то этого ничего бы и не было! (смотрит на Тимура) А если бы ты в такое положение попал? Как тебе после Чечни и развала союза вот так жизнь заканчивать? Что со мной было дальше думаю итак понятно, Люба орет как резанная. Тот еще побеждает, пытается мне что-то объяснить, я просто сижу на этом холодном асфальте, еще холодно ночью сидеть на трассе. Ну, я то в чем тут был виноват? Я просто вез жену на эту дачу, я то, что сделал? За что мне все это? Как жить то теперь с этим? И никто, никто мне на этот вопрос не ответил, я существую, и все. (Обращаясь к Тимуру) Что ты там все время теребишь?

ТИМУР. Да ничего, так, остатки

АНТОН. (К Кате) А ты что, это соску изо рта вообще не выпускаешь?

КАТЯ. А какой смысл, хорошо от этого

АНТОН. Сижу как с мертвецами, разве детство мне об этом говорило. Почему в середине жизни я сижу в каком-то старом театре и говорю это все вам.

Хватается за лицо и молчит. Через большую паузу, он не поднимая головы произносит:

АНТОН. Ты-то малышня, что молчишь постоянно? Слышу, только вздрагиваешь постоянно и все

ЛИЗА. Простите, это вы мне?

АНТОН. Тебе

ЛИЗА. Очень грустная у вас история, я не знаю, что и сказать. Вам не повезло.

АНТОН. А если бы ты кого-нибудь переехала? А?

ЛИЗА. Вы думаете, я не в состоянии понять вас?

АНТОН. Я не знаю, нет, не способна! Куда тебе, ты жизнь то вообще видела? Откуда это все вообще?

4. Моцарт.

5 человек сидели молча. Тимур смотрел в пол. Катя со своей сигаретой смотрела на посетителей этого кружка как сквозь душу. Антон держался за лицо, как будто плакала. А Лиза держала свой шарф в руках и как то боялась всего. Самойлов делал записи, и даже такое ощущение, что не моргал. И вдруг, миниатюрная Лиза начала говорить. И так смело, возмущенно рассказывая свою историю. Без доли стеснения, и как будто она была одна перед психологом, а он ее только что попросил рассказать свою историю. Так молчание подействовало на нее.

ЛИЗА. Ненавижу! Просто ненавижу! всю жизнь, всю жизнь он не давал мне покоя, всю жизнь мне указывал, как мне жить! Вы знаете, как воспитывают гениев? Нет? А я расскажу, вот вы Антон говорите мне вас не понять, то вам меня не понять в двойне. А вы Тимур улыбайтесь, у вас очень красивая улыбка. Как я родилась, сразу записали в Моцарты, что сильно на него похожа? Я до сих пор боюсь этого тирана, по 5 часов каждый день я играла на фортепиано, 15 лет подряд. Гении, вундеркинды и таланты воспитываются трудом, но еще и инициативой. (Начинает плакать)

САМОЙЛОВ. Лиза успокойтесь, все хорошо.

ЛИЗА. Простите, я просто как вспомню, мне очень тяжело, мне хочется рвать когти уже куда-нибудь. Я закалялась этим холодом, обретая себя на муки, но теперь пусть он уйдет, пусть смеется, но уйдет. Мать утешала меня, но тоже боялась его, они оба оставили меня. Друзья, я знаю, у вас проблемы, но детство вы провели хорошо, я завидую вам. Я провела его не так, у меня длинные кривые пальцы, я не женственна, а отец за меня не прожил ни дня. Это он был страхом, был крик в ушах, господи, как я все это проклиная. Я была даже когда-то добрая, но, хватит. В 22 года я сильно выпила, я не помню за собой такого, правда. Но тогда я почувствовала победу, тогда мне стало легче, тогда я обрела невероятную силу духа, лучше любого наркотика. Но началась сильная истерика, и произошел нервный срыв. После очередной репетиции, так как я музыкант, то всю жизнь только этим и занимаюсь, я захожу очень пьяная домой. Как сейчас помню, было 2 часа ночи. Мать молча встретила, давай нервничать и тут просыпается отец, начинается крик. Начинает орать, а я его не слышу, я начинаю истерично смеяться, не обращая на него внимания. Мама начинает плакать, хотя я не поняла из-за чего, а тот начинает дергать меня за руки и все выясняет, почему я в таком состоянии вернулась. (Опять сильно начинает плакать)

КАТЯ. Ну, что такое? Ну, успокойся!

ЛИЗА. Я тогда срываюсь и бегу на кухню, выхватываю самый большой нож и рванула в зал. Такой нож, даже не нож, а что бы отбивные делать, огромный такой прибор. От волнения перепутала. Он кричит еще сильнее, а я его уже не слышу и начинаю в психике разламывать инструмент. Я открываю крышку и просто долблю по клавишам, потом выламываю их по одной. Шум стоит на всю квартиру, слышала, как просыпаются соседи. Клавиши вылетали одна за другой, потом я долбила по самому дереву, в итоге вот этими маленькими руками я разломала абсолютно все, в зале лежала эта груда из дерева, пластмассы, струн и клавиш. И ничего не закончилось, я упала и стала в истерике смеяться, потом я стала долбить мебель, картины и все ненавидела. А они молча стояли, смотрели на меня, потом приехала скорая помощь. Я боялась его в больнице, я зажалась и никуда не выходила, ни с кем не разговаривала, страшно. Никогда не догадывалась, что так можно бояться человека. Война не была для меня так страшна. От этого хочется принять обет молчания, но такой шаг для меня невероятно сделать. Я вообще не способна воспитать в себе это, кто его принимает это поистине великие люди, но не я. Ненавижу это все, ненавижу это искусство и эту культуру, как же я устала.

Продолжилась тишина, уже привычная всем. Миниатюрная девушка плакала, ее страх тоже не давал ей покоя, всю сознательную и яркую пору отдать на муки. Никто ее не успокаивал, она просто была несчастна. Самойлов делал записи всех четырех новелл. Представить трудно, что творилось в его голове, когда нужно одинаково и беспристрастно пытаться помочь людям не деля их горе по объему.

САМОЙЛОВ. Господа, теперь вы высказались, терапия пошла на пользу кому-нибудь?

ТИМУР. Что изменилось?

АНТОН. Ты хочешь установить доверие между нами, между собой и нами, ты хочешь получить деньги, чего ты хочешь?

ЛИЗА. Доктор, вы поможете? Неужели это все?

КАТЯ. Я завтра этого уже не вспомню.

САМОЙЛОВ. Ну как же, я например, получил огромное удовольствие работы с вами, ведь вы сильнейшие люди, вы живете, вы справились с трудностями судьбы, вы основы счастья для любого. Вот Тимур понял жизнь еще раньше, чем положено. Просто сначала ты влюбляешься, а потом делаешь самострел, что бы спасти жизнь, свою, не эмоции дальнейшего, а свою.

А Лиза делает искусство от несовершенства мира, правда она его терпеть не может, но как-то живет, она сможет создать гениальную семью на счастливой основе. Антон сильная личность, сломленный бытовым стрессом, на него обрушивается шквал несчастий, но как после этого не жить?

Катериной я вообще впечатлён. Как не жить, если можешь забыть сегодняшний миг, хотя амнезия это минус, но Катя превосходная девушка, я бы, например, был с ней всегда и она меня бы не забыла.

АНТОН. Я ничего не понимаю из вышесказанного, а главное – зачем?

САМОЙЛОВ. Скоро вы все узнаете.

ТИМУР. Чем теперь займемся доктор Ватсон?

КАТЯ. Я не люблю современное искусство, ну хоть убейте, не понимаю в нем ничего! Лишено духовности, держится на деньгах, а что мы отдадим нашим детям? Вот что? Я знаю много старого, но мне стыдно, очень стыдно! Почему то так сложилось, и я может быть странная, но я не обладаю восприятием к гитарной музыке. Вообще не понимаю ее культа, например Nirvana той же, или Джими Хендрикса. Многие меня не поймут, но я предпочитаю классическую, там гитар не было, откуда это все?

ТИМУР. А я не люблю зарубежных писателей. Только потому, что они никогда не испытывали страданий, царской власти. У них все просто, другой менталитет и их проблематики я не пойму никогда.

САМОЙЛОВ. Антон, что вы не любите?

ЛИЗА. А можно я скажу?

САМОЙЛОВ. Валяйте!

ЛИЗА. Вот мы тут собрались, просто так, обсудить все то, что с нами произошло и случилось. Но мы ведь не виноваты во всем это полностью? Мы же нравственно поступали и руководствовались разумом? Ну, путь, ладно, где-то мы поддались эмоциям, но я никогда не пойму того, как чего-то стесняться, когда хочешь, как? Я прожила так всю жизнь и вот теперь я это спрашиваю, я не понимала себя ну а какой толк с того, как прошел кусок жизни?

АНТОН. Вы не убивали, что вот сейчас сделаешь? Если бы можно было все вернуть, я бы не сворачивал, а сейчас, я не могу даже и дня прожить без этой мысли, может быть, и не жить вовсе?

САМОЙЛОВ. А сюда, сюда же вы зачем пришли? Я не психолог, это все псевдо, я такой же человек, вот вы рассказали, но поймите одно, вы живете, думаете, существуете, но понять, что даже не сразу понял Лев Толстой, невозможно! Только это поймите.

АНТОН. Я не люблю пассивность в жизни, отсутствие действий, скуку, которая везде.

САМОЙЛОВ. А я не люблю вас! Да, вот вас всех! Я ненавижу, когда люди в магазинах берут вместо минералки, обычную воду без газа! Какой вообще в этом смысл? Да, меня это жутко раздражает, до ужаса просто. Я ненавижу, когда одна или две девушки стоят в компании 10 молодых людей и, скрестив ноги курят. Меня дрожь просто пробирает от этого. Знаете, что я еще ненавижу? Когда кучу выскочек берет, рассказывает о своей жизни на всю страну, у которой даже нет чувство юмора. Да, у этой страны нет чувства юмора. У нее нет ничего, абсолютно! И меня трясет каждый день приходиться на эту работу, я вот слушаю вас и не могу понять одного: я вам зачем? Вы взрослые люди обращаетесь к человеку, но не это вам нужно.

Самойлов начал устраивать театр, но ничего из эксперимента не вышло. Люди сидели погибшие, усталые и злые. Всем хотелось счастья, уверенности в завтрашнем дне, но они сидели в старом театре и продолжали верить и надеяться в то, что маленький жалкий человек решит их проблемы.

АНТОН. Я ухожу!

САМОЙЛОВ. Bravo! Кто следующий?

ТИМУР. Смысл всего мероприятия? Разве это терапия?

САМОЙЛОВ. Господа, назначаю следующую терапию ровно через неделю, в этот же день!

Недовольство не знало границ, странности тоже. Что это было? Зачем, в чем суть терапии? Но Самойлов умер. К страшным головным болям невозможно было привыкнуть. Как оказалось, ко всему можно привыкнуть, но только не к боли. Самоубийство. Антон раньше всех пришел на терапию, вера в счастье спасала. Как ни странно, но пришли все.

Спустя неделю, четверо ожидало встречи на том же месте. Антон прибыл раньше всех. Он просто ходил по пространству, стулья стояли пустые.

ЛИЗА. А мы вот и втроем вас ожидали, а вы уже тут

АНТОН. Дела быстро закончились

КАТЯ. Антон, скажите, вы не злитесь на меня?

АНТОН. За что?

КАТЯ. Ну, впрочем, ни за что!

ТИМУР. А нет ни у кого воды?

ЛИЗА. В конце коридора я видела кран!

Тимур идет до крана, где натывается на уборщицу.

УБОРЩИЦА. Вам кого?

ТИМУР. Так это...

УБОРЩИЦА. Ну, что? Что это?

КАТЯ. Дайте же ему воды!

УБОРЩИЦА. А вы-то? Вы откуда все?

АНТОН. Так я тут уже минут 15 нахожусь!

УБОРЩИЦА. Зачем?

Все хором одновременно пытаются сказать, кого они ждут

ВСЕ. Так мы здесь, ну ждем, сеансы у нас тут. Доктора мы ждем

УБОРЩИЦА. Тихо! Кого? Какого доктора?

ЛИЗА. Доктора Самойлова!

Уборщица продолжает наводить уборку, больше не говорит ни слова.

КАТЯ. А, вы случайно не знаете? Нет? Вы не знаете где он?

ЛИЗА. В очках такой!

УБОРЩИЦА. Не придет он!

АНТОН. Бабка! Ты что такое несешь?

ТИМУР. *(Догоняет ее)* Вы может быть перепутали? Он вот такой, небольшого роста, очки на нем еще такие с оправой, худенький такой!

КАТЯ. *(Выкрикивает с места)* Тетрадку еще носит с собой!

УБОРЩИЦА. Умер он!

Наступает молчание.

УБОРЩИЦА. Много вас таких! Умер и все! Не знаю больше ничего! Будете уходить, потушите везде свет! (*Уходит*)

ЛИЗА. А, как же это?

КАТЯ. (*Курит*) Доктор, куда же ты доктор!

ЛИЗА. Нет, я ей не верю! Она злая какая-то! Давайте ждать, он обещал, значит, он придет!

ТИМУР. А если не придет? Лиза, вы поймите, мертвые не так быстро ходят.

Лиза смотрит на Антона.

АНТОН. Ты, может быть, хочешь чего-нибудь а? А вообще, хотите чего-нибудь?

КАТЯ. Есть хочу, как собака!

ЛИЗА. Нет, но это страшно все, и странно! И страшно!

ТИМУР. Курицу хочу, гриль! Таковую прям! Большую!

АНТОН. У меня жена ее отлично готовит! Ты, маленькая, любишь курицу?

ЛИЗА. Люблю

АНТОН. А еще, еще что любишь?

ЛИЗА. Цветы люблю!

КАТЯ. Доктор, доктор!

АНТОН. (*Катю*) Вставай, давай, хватит, сейчас придумаем что-нибудь!

Лиза так же поднимается вместе с Катей, все направляются к выходу.

ТИМУР. (*Антону*) Я тебе сейчас такой рецепт расскажу, ух, у нас в Осетии ее так делают, ух, это вообще что-то!

Уходят.

Конец

